

Афонское монашество в XX в.: упадок и возрождение

История греческого афонского монашества XX в. достаточно необычна. В 1910-е гг., после долгожданного «освобождения» Афона от турецкого владычества и последовавшего за ним присоединения к Греции (что, впрочем, противоречило международным соглашениям...), многим казалось, что наступают новая эпоха, в которую греческие монастыри, несомненно, расцветут и принесут обильный плод. Связаны такие чаяния были еще и с тем, что в эти же годы происходит, по сути, катастрофа русского монашества на Святой Горе (о событиях начала 1910-х гг. в русских обителях Афона речь пойдет в заключительной части настоящего курса, посвященной истории русского монашества): сотни иноков оказываются изгнаны из Сада Пресвятой Богородицы, а оставшиеся после революционных событий 1917 г. пребывают в труднейшем положении. «Закат» русского монашества на Афоне вселил надежду в сердца многих греческих церковных деятелей, которые в начале XX в. так опасались необычайного умножения русских иноков на Святой Горе — как в Руссике и его скитах, так и в номинально зависимых от греческих монастырей обителях, таких, например, как Андреевский и Ильинский скиты. Однако чаемого «расцвета» не произошло.

После изгнания из Малой Азии более 1,5 млн греков в 1922 г. греческое правительство распорядилось о передаче земельных владений афонских монастырей, особенно тех из них, что располагались на полуострове Халкидики, для размещения там малоазийских беженцев. За это правительство обязалось вы-

плачивать ежегодно некую сумму, которая на деле явилась совершенно недостаточной, почти символической. В результате бóльшая часть афонских монастырей оказалась в труднейшем материальном положении, что предопределило их угасание, а временами — даже разрушение на протяжении 1920-х — 1950-х годов. Разумеется, по Русскому монастырю это решение греческих властей ударило особенно больно, так как он теперь был лишен помощи, ранее обильным потоком поступающей из России. Но и те монастыри, которые, возможно, надеялись возвыситься на фоне умаляющегося русского монашества, вынуждены были владеть существованием лишь немногим лучше, чем русские монастырь и скиты.

Конечно, причины упадка были разнообразны, и их нельзя свести к какой-либо одной, как будто наиглавнейшей. То, что утрата метохов за пределами Афона заставляла монахов довольно тяжело трудиться, чтобы обеспечить себе элементарное пропитание, подчас в ущерб духовному деланию, несомненно, не способствовало притоку новых послушников в большинство обителей Святой Горы. Но и сохранявшийся во многих монастырях идиоритмический («особножительный», как его называли русские писатели XIX века) устав также отпугивал взыскующих духовной жизни, зиждущейся на святоотеческих основаниях. Идиоритмия, зародившаяся в последние десятилетия существования Византийской империи, во времена османского владычества получила широчайшее распространение в греческих монастырях вообще и на Афоне в частности. Отчасти переходу к «особножительному» устройению монашеской жизни способствовало то обстоятельство, что «индивидуалистическая» форма су-

ществования больше соответствовала реалиям османского времени, позволяя выжить в условиях налогового гнета (под тяжестью которого иные киновии попросту закрывались...). Тем не менее, еще в XVI в. константинопольские патриархи начинают призывать к возрождению киновияльного устройства (см., напр., *Типикон* патр. Иеремии II, 1573 г.), а в начале XIX в. им даже удается «обратить» 11 обителей в общежительные. Однако остальные монастыри, в числе которых были самые древние и наиболее прославленные (Великая Лавра св. Афанасия, Иверский монастырь, Ватопед...), предпочли остаться при идиоритмическом уставе. Как отмечают современные исследователи, эта система, впрочем, могла в отдельных случаях создавать условия для подлинной монашеской жизни, поскольку в некоторых идиоритмических обителях монахи жили «внутренними» малыми общинами, каждая из которых находилась под руководством духовно опытного старца. Кроме того, именно в эпоху расцвета идиоритмии начали интенсивно развиваться скиты, которые воспроизводили (в новых исторических условиях) структуру, свойственную древним (например, палестинским) «лаврам». Именно в скитах (а также в келлиях) Святой Горы в эпоху турецкого владычества и почти в течение 60 лет после него сохранялась на Афоне подлинная монашеская жизнь. Монастыри же (как идиоритмические, так и киновии) к середине XX в. уже не привлекали достаточного числа послушников; некогда многолюдные обители медленно, но неуклонно угасали.

Достаточно красноречиво о процессах, происходивших на Афоне в XX в., свидетельствуют цифры. В 1912 г. (после «освобождения» Афона) там подвизалось 7432 монаха. Более полови-

ны из них были русскими. В 1947 г. на Святой Горе было уже около трех тысяч монахов. В 1963 г. — менее 1500. Впоследствии численность насельников Афона сокращалась темпами примерно по 50 монахов в год, и в 1971 г. их было всего 1146. После окончания Второй Мировой войны на Святой Горе было зарегистрировано совсем немного новых монахов. Монастыри практически не пополнялись, и оттого многие полагали, что история «монашеского Афона» подходит к концу. Подчас подобные суждения получали весьма яркие подтверждения: в начале 1970-х гг. в монастыре Симонопетра, братство которого уже на протяжении 40 лет не пополнялось новыми монахами, не нашлось никого, кто был бы в состоянии перенести тело почившего игумена: все были чрезвычайно немощны и весьма преклонного возраста...

Поэтому, несмотря на помпезные празднования 1000-летия Великой Лавры (преподносившиеся как «Тысячелетие Святой Горы») в 1963 г., в которых принимали участие пять патриархов, главы или представители всех поместных Православных Церквей, король Греции и множество других гостей, атмосфера в целом не отличалась особой праздничностью. Многие полагали, что эти празднества представляют собой не что иное, как «похороны Святой Горы».

Следует отметить, что события церковной и политической истории 1920-х — 1960-х гг. также не способствовали притоку в монастыри Афона молодежи. Война и оккупация, за которыми последовала довольно жестокая и кровопролитная гражданская война (1944–1949) подточили силы греческого народа. Страна переживала период крайней бедности и разрухи. В поисках луч-

шей жизни молодежь устремлялась в другие страны (именно тогда греческая диаспора получает немалое пополнение). Едут в Германию, Великобританию, США, Австралию. То есть те силы, которые ранее, даже в эпоху османского владычества, притекали в монастыри, теперь уходят за границу в поисках заработка, который помог бы прокормить бедствующих родственников в Греции. К этому следует добавить и неизжитые последствия «малозасийской катастрофы» начала 1920-х гг. Политические потрясения, в частности, диктатура «черных полковников» (1969–1974), также не способствовали возрождению интереса к монашескому призванию: достаточно сказать, что именно в годы диктатуры начали разрабатываться планы по превращению Афона в туристический центр.

Что касается церковной жизни, то здесь тоже произошли важные и трагические перемены. Календарная реформа 1920-х годов затронула многие православные Церкви. У большинства православных в Греции не было ни малейших сомнений, что реформа затевалась в качестве первого шага на пути к унии с западными церквями (деятельность патриархов и архиереев, продвигавших реформу предоставляла более чем достаточно доказательств именно таких намерений), и потому вскоре обозначился серьезный раскол (ставший известным под именем «старокалендаристского» или «старостильнического» и не изжитый по сей день). Правительство Греции предпочло остановить реформы, что позволило сохранить хотя бы отчасти мир церковный и даже вернуть часть греческих христиан в Элладскую Церковь, перешедшую на так называемый «новоюлианский календарь», но, тем не менее, известно, что весьма многие подвижники и святые

Греции XX века строго придерживались старого календаря, не разрывая общения с Церковью (напр., старец Филофей Зервакос, прав. Николай Планас и др.), а некоторые — хотя бы на определенном этапе своей жизни принадлежали к различным группам «старокалендаристов». В миру развивают небывалую ранее активность созданные по западным образцам «братства мирян» («Зои», «Сотир» и др.), члены которых занимали скорее враждебную по отношению к традиционному монашеству позицию, считая, что оно не соответствует актуальным запросам современных христиан. Очевидно, что молодежь, находившаяся под влиянием подобных объединений, при всей своей горячности и искренности, не спешила избрать монашеский путь. И хотя со временем часть богословов, связанных с «братствами», все-таки обратит свой взор на Святую Гору как на неиссякаемый источник истинной православной духовности, это произойдет лишь в 1970-е гг.

Афон также оказался затронут календарной реформой, и хотя в итоге монастыри остались при старом стиле, сам факт их общения с Константинопольской Патриархией отталкивал более строгих ревнителей святоотеческих преданий. В то же время в «старокалендаристской» среде монашество пользовалось большим уважением, и именно по этой причине те немногие молодые люди, которые пришли на Святую Гору с целью принять монашество в 1930-е — 1950-е гг., в миру по большей части принадлежали к подобным кругам и на Афоне присоединялись к братствам, которые не поминали Патриарха Константинопольского и были относительно независимы от монастырей. Такие братства встречались (и встречаются по сей день) в основном в недрах

келлиотского монашества. Оттого в послевоенный период и фиксируется столь малое число новых монахов: ведь приходившие в упомянутые выше келлиотские братства, как правило, в монахологии обителей не включались. Многие из таких «неучтенных» монахов примкнули к официальным братствам афонских монастырей только в 1950-е – 1960-е гг.

Все перечисленное и создало ту своеобразную атмосферу, которую отмечали многие проникательные наблюдатели, посещавшие Афон в 1930-е – 1960-е гг.: великие и многолюдные некогда монастыри, во многих из которых к концу 1960-х годов остается менее десятка монахов — глубоких старцев, с одной стороны, и небольшие, но сохраняющие древнее исихастское предание братства келлий и некоторых скитов. Именно в последние устремлялись в эти годы взыскующие духовного совета и подлинного святоотеческого духа. Именно там выковывались новые звенья той «золотой цепи» святости, о которой писал прп. Симеон Новый Богослов (*Главы богословские...* III, гл. 4). Однако сокровенное делание монахов таких общин вполне могло бы остаться «углями, тлеющими под слоем золы» (выражение иером. Макария Симонопетрского). Как обычно бывает в истории православного монашества, нужен был человек, способный раздуть этот пламень. И такой человек на Афоне в те непростые годы был.

Старец Иосиф Исихаст и его ученики

Как справедливо отмечает иеромонах Макарий Симонопетрский, именно старец Иосиф стал одной из тех выдающихся личностей, которые смогли воспитать учеников, привлечших к себе впослед-

ствии немало молодых послушников, и тем самым оказались у истоков движения, обновившего и возродившего монашескую жизнь на Святой Горе в 1960-е – 1980-е гг.

Иосиф Исихаст (1898–1959) пришел на Св. Гору в двадцатитрехлетнем возрасте (в 1921 г.). Он пытался найти наставника, способного научить умной молитве, однако поначалу ему это не удавалось: попытки поступить в послушники к старцу Каллинику Катунакскому (ум. 1930) не увенчались успехом, т. к. этот исихаст в ту пору ушел в затвор. Иосиф какое-то время обитал в пещерах в одной из самых пустынных и суровых местностей Афона («Пещеры всего Афона принимали меня как гостя». — Письмо 37), искал молитву и не обретал, и однажды чудесным образом сподобился этого дара. Вот как он сам описывает это необыкновенное событие, чем-то напоминающее эпизод из Жития прп. Максима Кавсокалива:

И однажды случилось у меня много искушений. И весь тот день я зывал с еще большей, [чем обычно,] болью. И наконец вечером, когда солнце уже садилось, я умолк, голодный, изнуренный слезами. Я смотрел на церковь Преображения на вершине [Горы] и просил Господа, обессиленный и израненный [душой]. И мне показалось, что оттуда пришло стремительное дуновение. И наполнилась душа моя несказанным благоуханием. И сразу начало мое сердце, как часы, умно говорить Иисусову молитву. И вот, я поднялся, полный благодати и беспредельной радости. И, склонив подбородок к груди, стал умно говорить молитву. ...С тех пор молитва не переставала умно совершаться во мне.

(Письмо 37. *Пер. архим. Симеона (Гагатики)*)

Всю свою жизнь с тех пор он посвятил возвращению этого дара Божия. Через несколько месяцев после этого события на

вершине Афона во время бдения в праздник Преображения Господня Иосиф встретил о. Арсения (ум. 1983), который стал его верным другом и соратником. Они познакомились с великим исихастом Даниилом Катунским (ум. 1929), который посоветовал им, прежде чем браться за безмолвническую жизнь в пустыне, постараться получить благословение старца, у которого бы они пребыли в послушании и которому помогали бы до самой его кончины. Так Иосиф и Арсений поступили в послушание к о. Ефрему Бочару из каливы Благовещения в Катунках. Их старец был простым человеком, довольно молчаливым, что создавало благоприятные условия для занятий молитвой. Отличавшийся крайней самоотверженностью послушник вскоре был пострижен в великую схиму и взялся за еще большие подвиги, чем ранее. Каждый день он совершал шестичасовое молитвенное бдение. Поскольку ремесло старца Ефрема предполагало определенное беспокойство, а это постепенно становилось все большим препятствием для молитвенного подвига послушников, Иосиф и Арсений убедили старца поселиться в скиту Св. Василия, что и произошло в 1923 г. После кончины о. Ефрема монахи Иосиф и Арсений остались там в небольшой келье, где продолжили аскетические подвиги. В этот период они нередко поднимались к вершине, к церкви Пресвятой Богородицы («Панагия»), жили и в других пустынных местах, однако после 8 лет таких подвигов решили обосноваться в своей каливе. Как отмечают биографы старца Иосифа, именно в этот период он встретил наконец наставника, которого искал долгие годы. Таким человеком стал исихаст Даниил, живший в пустыни Св. Петра Афонского, близ Керасьи. Этот подвижник совершал молитвенное бдение с захода

солнца до полуночи, а затем очень медленно, в течение трех, а то и четырех часов, со слезами совершал Божественную Литургию. На этой Литургии он в порядке исключения позволял присутствовать Иосифу и Арсению. Он также наставлял их, рассказывая о тонкостях аскетической борьбы и правильном распорядке жизни подвижающегося в безмолвии. Этот распорядок впоследствии и старался воспроизводить в своей общине старец Иосиф Исихаст. В 1930 г. Иосиф снова пытался жить в совершенном безмолвии, однако вскоре у него появились первые ученики: ими стали его родной брат, в монашестве Афанасий, и два других монаха. В этот период он начинает также руководить небольшой общиной монахинь в г. Волос. Образ жизни новых пустынников стал привлекать к ним посетителей, да и другие монахи, жившие неподалеку, также создавали определенные неудобства для безмолвия, поэтому старец Иосиф в 1938 г. решил переместиться в небольшую пещеру на склоне горы рядом с Малым Скитом Св. Анны. Там были сооружены маленькие кельи и церковка, посвященная св. Иоанну Предтече — образцу пустынножительства. Ремеслом общины Иосифа Исихаста была резьба по дереву: делали кресты и печати для просфор. В середине дня (6 часов по афонскому времени) каждый шел в свою келью и совершал вечерню по четкам, а также занимался чтением. После скудной и почти всегда строго постной трапезы монахи отходили ко сну (сон занимал 3—4 часа). С заходом солнца они вставали и совершали шестичасовое молитвенное бдение, посвященное исключительно Иисусовой молитве. Бдение, как правило, совершали стоя; в течение бдения полагали множество земных поклонов. Четыре раза в неделю в церковке братства служили Божествен-

ную Литургию (она начиналась в полночь; служил приходящий священник — одно время это был знаменитый впоследствии Ефрем Катунакский, — а потом, после рукоположения членов братства, свои иеромонахи). В другие дни по окончании молитвенного бдения занимались чтением. После этого, ок. 8.30 по афонскому счету времени, снова шли спать, а в 10.30 уже поднимались. При всех послушаниях и работах на устах и в сердце у монахов общины Иосифа Исихаста неизменно была Иисусова молитва. Никаких изменений этот распорядок жизни не претерпевал на протяжении многих лет. Когда, начиная с 1947 г., стали приходить новые ученики, отличавшиеся более слабым здоровьем, чем старшая братия, поблажки делались только в отношении пищи и количества сна. Послушание, молчание и особенно молитвенное бдение оставались неизменными.

Поскольку состояние здоровья и самого старца Иосифа, и его учеников, особенно молодых, в условиях суровой пустыни ухудшалось, было решено переместиться поближе к морю, в Новый Скит (принадлежащий монастырю Святого Павла), в келлию Свв. Бессребреников (это произошло в 1953 г.). Климат там был лучше, но близость других монашеских жилищ не способствовала любимому старцем и его учениками безмолвию, и потому они испросили разрешения у монастыря Св. Павла поселиться в четырех каливах, стоявших более или менее уединенно. Почил старец Иосиф 15 августа 1959 г. после изнурительной болезни, тяготы которой он мужественно переносил. О последних днях земной жизни Иосифа Исихаста трогательно повествует его ученик архимандрит Ефрем (Мораитис) в своей книге «Моя жизнь со Старцем Иосифом». Некоторые последние письма

Старца также достаточно подробно описывают скорбные обстоятельства болезни и заботу духовных чад. Как пишет иером. Макарий Симонопетрский, старец Иосиф «оставил своим ученикам пример жизни, полностью посвященной поиску Бога в безмолвии и молитве».

Вскоре любимый ученик старца Иосифа о. Ефрем стал духовником монастыря Св. Павла, а другой — о. Харалампий — Св. Дионисия, и в это же время в Новый Скит начинает приходиться все больше молодых людей, ищущих духовной жизни. Уже в 1965 г. у каждого из учеников старца Иосифа было немало своих послушников. Вскоре им не хватало места в занимаемых ими келиях, и они вынуждены были заселить заброшенную русскую келлию, а потом искать и другие, более удобные места для поселения. Так, о. Ефрем с братией в 1967 г. занял келлию Св. Артемия в Провате, а о. Харалампий пришел в келлию Св. Николая «Буразери» (рус. «Белозерка»), близ административного центра Афона — Кареи. С ним пришли о. Арсений и несколько молодых монахов. Еще один ученик старца Иосифа, Иосиф Младший, или Киприот, занял келию Благовещения в Новом Скиту, где ранее пребывал о. Ефрем с учениками.

Эти общины были, с одной стороны, связаны духовно и придерживались похожего распорядка, однако в то же время каждая из них имела свои отличия, в соответствии с особенностями характера возглавлявших их наставников. Впрочем, основополагающие установления старца Иосифа Исихаста соблюдались неукоснительно.

В 1973 г. начался процесс, занявший почти десять лет и определивший духовный облик Афона на все последующие годы.

Братство о. Ефрема, в котором в ту пору было около 20 монахов, переселилось в монастырь Филофей и обратило его в киновию. Уже в 1976 г. в Филофее насчитывалось примерно 80 монахов, и в 1980 было решено послать 20 братьев в монастырь Ксиропотам, который к тому времени почти обезлюдел; Ксиропотам тоже стал общежительной обителью. В том же году еще одна группа монахов таким же образом перешла из Филофея в Констанонит, а в 1981 г. третья «партия» заселила Каракалл. Архим. Ефрем, будучи игуменом Филофея, в то же время осуществлял духовное руководство 8 женскими обителями и множеством мирян в Греции, а начиная с 1989 г. основал восемнадцать монастырей в Соединенных Штатах и Канаде, с главным центром в Аризоне — монастырем Св. Антония Великого, где старец Ефрем пребывает сегодня. По этой причине Ефрема Филофейского иногда называют также Аризонским. Ученики его в 2000 г. возобновили монашескую жизнь в русском скиту Св. Андрея близ Кареи, принадлежащем монастырю Ватопед.

В 1979 г. о. Харалампий (ум. 2001) покинул келлию Буразери и перешел с 20 учениками в монастырь Св. Дионисия, куда он был приглашен, чтобы наследовать знаменитому игумену этой обители — Гавриилу. Но на сей раз вселение в новый монастырь прошло не без трудностей. Дионисиат был старым и живым монастырем, к тому же известным своим строгим и разработанным до мелочей богослужебным уставом; кроме того, это был общежительный монастырь. Принимая нового игумена, монахи Дионисиата поставили условие: их распорядок жизни должен остаться без изменений. Условие, разумеется, было выполнено, но это повлекло за собой «сокращение» того «правила»,

которое оставил своим ученикам старец Иосиф Исихаст; впрочем, ежедневное келейное бдение с молитвой Иисусовой перед общей утренней службой о Харалампию удалось сохранить. О Харалампий стал известен на Св. Горе, а теперь и в России (после публикации книги о нем) своими наставлениями о молитве, в которых он советует произносить Иисусову молитву чрезвычайно быстро, чтобы ни один помысл не проник в ум молящегося, воспользовавшись паузой между молитвами.

Другой ученик старца Иосифа, также Иосиф (Младший или Киприот), оставшийся, как уже упоминалось ранее, в Новом Скиту, в каливе Благовещения, также приобрел несколько новых учеников. В 1978 г. он на три года оставил Св. Гору, отправившись на родину (на о. Кипр). Вернувшись, он несколько раз менял место жительства в поисках более просторной келлии или каливы, так как число учеников росло, и в итоге, по приглашению Вселенского Патриархата, перешел с братией в величественный монастырь Ватопед, который был превращен в киновию и с тех пор стал одним из наиболее значительных духовных центров Аффона, отличаясь активностью и быстро развиваясь, так что в наши дни монашеское братство Ватопеда насчитывает более сотни монахов (в 2005 г. их было 105).

По подсчетам иером. Макария Симонопетрского, на Афоне и за его пределами обитают около 800 монахов и монахинь, которых можно назвать духовными наследниками старца Иосифа Исихаста — того подвижника, который провел всю свою жизнь в поисках уединения и безмолвия...

Другие подвижники Аффона

Разумеется, старец Иосиф Исихаст и его ученики не были единственными подвижниками Святой Горы, оказавшими влияние на духовное состояние ее насельников и способствовавшими возрождению монашеской жизни (хотя, как мы видели, их вклад и оказался решающим).

Прежде всего следует упомянуть старца Ефрема Катунского (1912–1998), который был теснейшим образом связан с Иосифом Исихастом и его общиной, однако смог оставить и свой собственный след в духовной истории Афона последних десятилетий XX века. О. Ефрем был долгие годы послушником старца Никифора (ум. 1973) из каливы Св. Ефрема в Катунках. Этот старец был человеком весьма простым, даже грубым, совершенно не способным дать послушнику какое-либо духовное научение, которого тот так искал. Встретив в 1936 г. также довольно молодого еще в ту пору Иосифа Исихаста, о. Ефрем обрел то, к чему стремился: духовного руководителя, — и прилепился к Иосифу всей душой. С тех пор он совершал Литургию для братии скита Св. Василия, в то же время фактически находясь под духовным руководством старца Иосифа. Тем не менее, именно Иосиф Исихаст настаивал на том, чтобы Ефрем оставался в послушании у старца Никифора, сколь бы мучительным ему ни представлялось такое положение. Постоянное духовное общение с Иосифом Исихастом принесло обильный плод: о. Ефрем стяжал молитву и тонкое понимание таинств духовной жизни. Его поучения, как справедливо отмечает иером. Макарий Симонопетрский, отличаются менее систематическим характером, чем наставления старца Иосифа Исихаста и его учеников, однако он был верен распорядку безмолвнической жизни, почерпнутому от старца

Иосифа, и ежедневно совершал характерное для общины последнего молитвенное бдение. О. Ефрем отличался особым даром слез, причем тонко отличал слезы сокрушения духовного от слез радости, являющихся результатом действия благодати. Во время Литургии, которую он никогда не совершал без слез, старец Ефрем нередко созерцал удивительные божественные видения. Как пишет (на основании собственного опыта) о. Макарий Симонопетрский, «встреча с отцом Ефремом, сочетавшим орлиный взор с простотой ребенка, оставляла безошибочное ощущение присутствия Божия в человеке из плоти и костей. Он настолько привык к восхищению ума в небесные чертоги, что говорил об этом с большой естественностью и удивлялся, когда его собеседник оказывался озадачен. Когда его спрашивали, как же достичь таких духовных состояний, его ответ был неизменен: “Молитва приходит через послушание”». После кончины своего старца (1973) о. Ефрем некоторое время жил в уединении и начал принимать учеников лишь в 1979 г. Несмотря на то что он старался избегать известности, слава о нем распространилась по всей Святой Горе, и к нему постоянно притекало множество монахов и мирян, чтобы услышать его советы и получить его благословение.

Другая фигура, без упоминания которой будет неполон любой рассказ о Святой Горе второй половины XX в., — это, несомненно, прп. Паисий Святогорец (1924–1994). Этот подвижник сейчас известен во всем мире и очень любим в России благодаря переводам его бесед. В 1953 г. он поступил в афонский монастырь Эсфигмен и в следующем году был пострижен в рясофор с именем Аверкий. Он отличался крайней незлобивостью, всегда старался видеть в людях и в мотивах их поступков

только хорошее, постоянно оказывал послушание и всегда был готов служить ближнему. В то же время он уклонялся от праздных разговоров и предавался довольно суровому аскетическому подвигу. Он старался молиться практически постоянно, а сну уделял не более часа! Желая посвятить себя уединенной молитвенной жизни, он пришел в скит монастыря Кутлумуш, но начальство монастыря Эсфигмен настаивало на его возвращении в обитель пострига, и тогда он поступил в идиоритмический (в ту пору) монастырь Филофей, где принял постриг в мантию и получил имя Паисий (1957). Когда ему воспрепятствовали удалиться в Катунаки, он, вняв знамению свыше, удалился в заброшенный монастырь Стомион близ Коницы в Эпире (1958). О. Паисий занимался восстановлением монастыря и в то же время боролся с прозелитизмом протестантских миссионеров. Однако любовь к безмолвию снедала его, и оттого в 1962 г. он решил вновь поменять место жительства. На сей раз он отправился на гору Синай, где провел два года в скиту Св. Епистимии. По-видимому, суровые подвиги подточили его здоровье: начались проблемы с легкими, и о. Паисий был вынужден вернуться на Святую Гору, где поселился в полузаброшенном Предтеченском скиту, принадлежащем Иверскому монастырю. Именно тогда к нему на некоторое время присоединился о. Василий (Гондикакис, впоследствии игумен монастыря Ставроникита и Иверской обители) и еще несколько молодых людей, желавших жить под руководством опытного подвижника. Постриг о. Паисия в великую схиму другой замечательный афонит — старец Тихон Русский из Капсалы. Вскоре после этого о. Паисию пришлось испытать немало скорбей в связи с усилившейся легочной болезнью. Именно в этот

сложный период были заложены основания монастыря Суроти: девушки, готовившиеся к монашеской жизни, сдали свою кровь, чтобы помочь тяжело болевшему о. Паисию, а в знак признательности он согласился на духовное руководство ими и способствовал созданию обители. По возвращении на Афон в 1967 г. старец Паисий поселился в Катунаках и продолжил свои подвиги. Но здесь снова его постоянное желание безмолвия и уединения натолкнулось на настоятельную потребность собратьев в духовном руководстве. По просьбе уже упоминавшегося о. Василия (Гондикакиса) старец способствовал возрождению монастыря Ставроникита. Поселившись неподалеку от этой обители в келлии о. Тихона Русского (прп. Паисий был при старце в последние дни его жизни и сподобился проводить его в последний путь), подвижник старался почти ни с кем не общаться, за исключением нескольких монахов из Ставроникиты и немногих молодых людей, желающих принять монашество. Однако его слава вскоре распространилась повсюду, и келлия старца Паисия превратилась в настоящее место паломничества: ее осаждали толпы мирян. В 1979 г. преподобный обосновался в каливе Рождества Богородицы (Панагуда) близ Кареи, и тогда этот поток посетителей возрос многократно: случалось, что старец принимал по сотне паломников в день! Конечно, люди приходили к нему, привлеченные его дарами прозорливости и рассуждения, позволявшими распутывать наиболее сложные жизненные ситуации. Простое, насыщенное яркими примерами и живыми историями слово старца также способствовало его «популярности». Всем — и монахам, и мирянам, — прп. Паисий настоятельно советовал стяжать «благое беспокойство», которое непрестанно подталки-

вало бы их к заботе о собственном спасении. Прп. Паисий, несомненно, обладал глубочайшим молитвенным опытом, однако он не любил давать советы по поводу «художественного метода» умной молитвы, подчеркивая, что ум со временем, под действием сокрушения о своих грехах и сострадания ближнему, сам естественным образом сойдет в сердце, и тогда молитва станет непрестанной. То, что старец Паисий стал наставником множества мирян, было новым для Афона явлением, отчего воздействие преподобного на верующий греческий народ стали сравнивать в первую очередь с русскими образцами старческого окормления: жизнью прп. Серафима Саровского и Оптиных старцев.

Прп. Паисий неизменно отказывался принимать учеников, однако некоторые монахи определенно находились под его духовным руководством, хотя и жили в некотором отдалении от келлии старца. Многие насельники Святой Горы регулярно посещали старца Паисия и пользовались его советами.

Начавшееся в 1968 г. возрождение монашеской жизни на Афоне развивалось быстро, и в него оказались вовлечены не только непосредственные члены духовной семьи старца Иосифа Исихаста, но и другие видные представители святогорского монашества. О деятельности игумена Василия (Гондикакиса) уже упоминалось ранее; однако с его именем связано не только возрождение (материальное и духовное) монастыря Ставроникита, но и возвращение Иверской обители к общежительному уставу, которое стало возможным только в 1990 г., после столетий пребывания в «идиоритмии». Собственно, Иверский монастырь согласился на такие радикальные изменения лишь потому, что

о. Василий братией этой обители воспринимался не как чужой человек: в начале своего монашеского пути (он пришел на Святую Гору в 1968 г.) он был связан с Иверским монастырем, и свое возвращение к киновиальному уставу братия связывала с неперенным условием: игуменом должен стать Василий, и никто иной.

Пример обителей, возрождаемых учениками старца Иосифа, и Ставреникиты, где, укрепляемый наставлениями прп. Паисия Святогорца, трудился о. Василий с братией, привлек на Афон и другие монашеские братства, сформировавшиеся поначалу за пределами этой «иноческой республики». Так, знаменитый ныне архимандрит Емилиан (Вафидис) в 1960-е гг. подвизался некоторое время в Фессалии и был назначен игуменом монастыря Преображения на Метеорских столпах. В этой обители жил в ту пору лишь один пожилой монах. Молодой архимандрит начал исповедовать жителей окрестных селений, произносил проповеди, которые производили глубокое впечатление, и постепенно возникло целое движение молодых людей, устремленных к духовной жизни и монашеству. Образовалось братство, а затем и связанная с ним женская монашеская община. Однако на рубеже 1960-х – 1970-х гг. Метеоры было решено превратить в объект туризма, и если поначалу этому противился местный архиерей, то с его уходом противостоять «обмирщению» некогда святого места становилось все труднее. В 1973 г. архим. Емилиан с 15 монахами и многочисленными послушниками решил уйти на Святую Гору. Целая цепь обстоятельств промыслительно привела братию в монастырь Симонопетра, который так напоминает метеорские обители. К тому времени в Симонопетре оставалось

не более десяти монахов — древних старцев. Последние охотно передавали новопривывшим свои знания и предания, так что довольно опытная уже община о. Емилиана смогла перенять дух древней афонской обители и приспособиться к новым для нее обычаям и уставам. Старые симонопетриты решились доверить молодым инокам свой монастырь, и, как пишет иером. Макарий, «весьма скоро он являл собой сияющий образ Небесного Иерусалима, будучи наполнен молитвами монахов». Сегодня братия монастыря Симонопетра насчитывает около 60 монахов.

Одновременно в Ормилии на полуострове Халкидики была создана женская обитель, куда переселились инокини из метеорского монастыря Святых Феодоров. Участок и строения на нем были предоставлены Симонопетре монастырем Ватопед, которому они принадлежали, и там был возведен достаточно обширный монастырь, в котором в 2005 г. подвизалось уже 108 монахинь. Монастырь представляет собой подворье Симонопетры и живет по уставу, написанному для него старцем Емилианом.

Несмотря на то, что жизненный путь архим. Емилиана значительно отличается от того, что был пройден старцем Иосифом Исихастом, принципы, положенные в основу созданных о. Емилианом обителей, — те же, что были обретены в 1930-е гг. о. Иосифом. Детали могут отличаться, но в главном они сходятся. Так, несмотря на некоторые отличия в обучении умной молитве, и архим. Емилиан, и старец Иосиф настаивают на необходимости ежедневного весьма продолжительного келейного молитвенного бдения. Именно так монах достигает сокровенного общения с Богом Живым — посредством внутренней молитвы и чтения священных текстов, которое также скорее представляет собой

молитвенное углубление в смысл читаемого. И в той и в другой традиции это бдение подготавливает монаха к Божественной Литургии, понимаемой архим. Емилианом как явление Небесного Царства. Это понимание влечет за собой особое внимание к аккуратному следованию чину службы и к богослужебному пению. Разумеется, замечательного хора, которым славится ныне Симонопетра, не было в скромных церквях, где молился старец Иосиф со своими учениками, однако эти последние не в меньшей степени, чем архим. Емилиан, развили искусство византийского пения (особенно это относится к монастырю Ватопед).

В 1970-е гг. подобным образом братства, сформировавшиеся за пределами Святой Горы, влились в афонские обители. Община о. Георгия (Капсаниса) из Аттики пришла в монастырь Св. Григория, о. Христодул с о. Эвбея с 8 монахами обосновался в Кутлумуше, о. Алексей, после ухода о. Емилиана некоторое время занимавший метеорский монастырь Преображения, со своими учениками заселил монастырь Ксенофонт, а в 1979–1980 гг. пришел черед Дохиара, который стал киновией благодаря трудам о. Григория из Месолонги. После заселения монастырей Ксиропотама, Констанонита, Каракалла и Дионисиата учениками старца Иосифа Исихаста, монастыри Великая Лавра (в 1989 г.), Хиландар, Иверский и Ватопед (в 1990 г.) возвратились к общежительному устройению и испытали новый подъем. Наконец, последний из идиоритмических монастырей, Пантократор, также стал киновией, приняв, по просьбе константинопольского патриархата, общину, которую составили монахи из монастыря Ксенофонт.

Таким образом, между 1972 и 1976 гг. в монастыри Афона пришло около 143 монахов в возрасте менее 30 лет. С 1977-го по 1986 г., с прибытием братств из монастырей, расположенных за пределами Афона, насельниками Святой Горы стало еще 284 монаха. Пика этот процесс достиг между 1987 и 1996 гг., когда в монастыри Афона поступило 790 человек. С тех пор интенсивность притока несколько уменьшилась, однако он стал более постоянным. В целом численность насельников Святой Горы не претерпела особых изменений: сейчас их около 1700 человек, т. е. ненамного больше, чем 50 лет назад. Но теперь преобладают монахи молодого и среднего возраста, чего в те годы, разумеется, не было.

Ради чего молодые люди в 1970-е – 2000-е гг. приходили на Афон? Как пишет иером. Макарий Симонопетрский, как правило, отнюдь не по причине бегства от общества. Они искали отца — человека, способного стать образцом для подражания, являющего пример истинно христианской жизни, учителя и заступника пред Богом. «Нет никаких сомнений, — пишет он, — что на Святой Горе никогда не иссякали богоносные мужи, даже во времена упадка, однако часто у них не было возможности делиться своим опытом. И вдруг, по действию промысла Божия, эти искатели Бога обрели целую череду духовных наставников — вышедших из афонской пустыни или пришедших извне, — которые, благодаря их опыту Богообщения и пастырским дарованиям, смогли восстановить во всей ее глубине традицию молитвы Иисусовой и духовного руководства».

Возрождение монастырской жизни на Афоне в последние десятилетия XX в. ознаменовалось не только возвращением к

святоотеческим принципам общежития и окончательным расставанием с обычаем идиоритмии. Вновь стало практиковаться частое причащение (напомним, в общине старца Иосифа Литургия совершалась четыре раза в неделю, соответственно, четыре раза в неделю причащалась и братия): не редкость в монастырях традиции Иосифа Исихаста, а также в Симонопетре и некоторых других, причащение четыре раза в неделю. Но особенно важным стало введение ежедневного келейного бдения с молитвой Иисусовой, что означало решительное возвращение к исихастской традиции. Если раньше те, кто хотел посвятить себя внутренней молитве, был вынужден искать прибежища в скитах и пустынных келлиях, поскольку службы в храме и послушания не оставляли времени для умной молитвы, то теперь наблюдается противоположное явление: монастыри уже не уделяют сельскохозяйственной деятельности столько внимания и сил, как раньше, ограничиваясь лишь самым необходимым для нормального существования общежития, а следовательно, даже в киновии становится возможным жить внутренней жизнью и практиковать умную молитву. Келлиоты же, за исключением, разумеется, тех, кто довольствуется скудной пищей и поистине живет, «как птицы небесные» (таких, справедливости ради следует сказать, довольно много), вынуждены тратить немало сил на труд и разного рода попечения, чтобы снабдить свою общину всем необходимым (а иногда и сверх того). По этой причине в последние десятилетия наблюдается определенная тенденция: желающие принять монашество предпочитают общежительные монастыри (56,4% монахов подвизается сейчас именно там). В то же время, все остальные формы монашеской жизни также представлены на

Афоне, причем, как отмечает иером. Макарий Симонопетрский, в наши дни трудно найти свободную пустынную келью...

Ист. и лит.: СТАРЕЦ ИОСИФ ИСИХАСТ. Полное собрание творений. М., Ахтырка: Ахтырский Свято-Троицкий монастырь, 2015; ЕФРЕМ ФИЛОФЕЙСКИЙ, АРХИМ. Моя жизнь со Старцем Иосифом. 1–3-е изд. Ахтырский Свято-Троицкий монастырь, 2012–2014; [МАРКЕЛЛ КАРАКАЛЬСКИЙ, МОНАХ.] Духовный опыт старца Иосифа Исихаста. СТСЛ, 2010; MAKARIOS DI SIMONOS PETRAS. Iosiph l'Esicasta e il rinnovamento contemporaneo della Santa Montagna // Chialà S., Cremaschi L. (ed.) Atanasio e il monachesimo al Monte Athos. Magnano: Edizioni Qiqajon, Comunità di Bose, 2005. P. 245–274; ИЕРОМОНАХ ИОСИФ. Старец Ефрем Катунакский. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2015; ИЕРОМОНАХ ИСААК. Житие старца Паисия Святогорца. М.: Изд. Дом «Святая гора», 2006; MAXIMOS (CONSTAS), ИЕРОМОНК. Charisma and Institution at an Athonite Closter. Historical Developments and Future Prospects // Friends of Mount Athos. Annual Report. 2007. P. 17–34; АРХИМАНДРИТ ЭМИЛИАН [sic!]. Богопознание. Богослужение. Богомыслие. М.: Изд-во храма св. мц. Татианы, 2002; АРХИМАНДРИТ ЕМИЛИАН. Слова и наставления. Печать истинная. Жизнь в Духе. М.: Изд-во храма св. мц. Татианы, 2006; АРХИМАНДРИТ ЭМИЛИАН (ВАФИДИС). Толкование на подвижнические слова аввы Исаии. М.: Зачатьевский ставропигиальный женский монастырь; Екатеринбург: Изд-во Александрo-Невского Ново-Тихвинского монастыря, 2014; ОН ЖЕ. Трезвенная жизнь и аскетические правила: Толкование правил преподобных отцов Антония, Августина и Макария. Екате-

ринбург: Изд-во Александро-Невского Ново-Тихвинского монастыря, 2016.